

Ниваса –
На лестничной клетке

«Литнет»

2026

– Н.

На лестничной клетке / Н. – — «Литнет», 2026

Их миры разделяет всего два пролёта лестницы, но они могли бы никогда не встретиться, если бы не холодные ноябрьские вечера, когда бежать из дома было проще, чем оставаться. Их убежище - это бетонная лестничная клетка в панельной девятиэтажке, где пахнет сыростью и отчаянием. Здесь, на холодных ступенях, они делятся тайнами, молчанием и первыми поцелуями, украденными у безразличного мира.

© – Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Встреча	5
Наш маленький мир	11
Прикоснись ко мне	14
После	17
Правильно?	20
Долгая ночь	24
Новые раны	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Встреча

Аня вышла на лестничную клетку в девять вечера. Мать пришла с ночной смены в семь утра, сразу рухнула спать и сейчас храпела за стеной.

Достала почти полную пачку «Примы», которую украла сегодня утром, пока мать мылась. Зажигалка не работала, только щелкала, не выдавая даже маленькой искорки.

- Дать прикурить?

Она вздрогнула. Не слышала, как дверь наверху открылась, как кто-то спустился.

Парень, сосед сверху, она видела его пару раз. Он был высокий, худой, с темными волосами которые немного закрывали глаза. Сейчас он стоял в двух шагах и смотрел на нее.

Протянул зажигалку. Дешевую, пластиковую, с потрескавшимся рисунком мотоцикла.

Аня наклонилась, прикурила. Первая затяжка обожгла горло, она закашлялась, хотя очень старалась не подавать вида, что она не умеет курить, стыдно.

- Первый раз? - спросил он. Без насмешки.

- Второй, - соврала.

Он кивнул, достал свои сигареты. «Беломор». Прикурил, затянулся глубоко. Курил молча, глядя в грязное окно. На улице шел дождь, по стеклу стекали грязные потоки.

Стояли рядом, не ближе метра и когда тишина начала давить, он резко оборвал ее:

- Твоя мать орет каждый вечер, - сказал он через минуту. - Слышно через потолок.

Аня почувствовала знакомый стыд. - Твоя тоже.

- У меня не мать, а отец. Когда пьяный.

- А когда не пьяный?

- Не бывает такого.

Она посмотрела на него. Лицо резкое, скулы выпирают. Глаза темные, под ними синяки усталости. Как у нее в зеркале по утрам.

- Почему здесь куришь? - спросила. - На улице бы.

- Погоду видела? Холод собачий. Да и местные напрягают, мне алкашей и дома хватает.

Он был прав. Во дворе каждый вечер собиралась компания, пили, курили, орали. Аня их обходила.

- А ты почему здесь? - спросил он.

- Мать спит. Если проснется будет скандал.

- За сигареты?

- За все. За то, что дышу не так, не так хожу, не так одеваюсь, за то что просто существую.

Он кивнул, как будто понял. - У меня отец тоже, как придет пьяный, ищет к чему придраться. Тапки не так стоят. Вода из крана капает. Любая мелочь выводит из себя.

Аня докурила, бросила окурков в пустую банку из-под кофе на подоконнике. Он сделал то же.

- Спасибо за прикурить, - сказала, уже поворачиваясь к двери.

- Подожди.

Она остановилась.

- Как зовут?

- Аня.

- Макс.

Она и без него это знала, все в подъезде знали друг друга в лицо, но имен обычно не называли. Это было лишним.

- Учусь в сорок втором колледже, - сказал он. - На окраине. Ты?

- В тридцать восьмом В центре.

- Далеко ездить.

- На автобусе сорок минут, но если пробки, то час.
- А после него?
- Фиг знает, может на курсы пойду, может еще поступлю куда-нибудь.
- Круто. А я... - он затаился, выпустил дым. - Я после уроков работаю. Разгружаю фуры.
- Неофициально можно?
- Можно, если договориться, все равно платят в конверте. Тыщу в день, иногда полторы.
Аня посмотрела на его руки. Крупные, с ссадинами, грязью под ногтями. Ее руки были тонкими, бледными, она училась стричь на манекенах, красить волосы.
- Зачем работаешь? - спросила.
- Семью кормить надо. Отец пьет, зарплату почти всю пропивает. Мать на двух работах, днем кассиром, ночью уборщицей. Сестра инвалид, лекарства очень дорогие.
- У меня отец сбежал, - выпалила Аня. Сама не поняла, зачем. - Когда мне было пять. Сказал, за хлебом пошел и не вернулся. - нервно хихикнула, как будто сказала что-то забавное.
Макс кивнул. - Зато мой мудака дома, бухает, иногда и руку поднимает, так что может и хорошо что твой сбежал.
- Мать говорит, он к другой ушел. Молодой и красивой.
- А твоя мама что?
- В больнице работает уборщицей, обычно у нее ночные смены. Приходит утром, спит до вечера, потом встает и сразу скандал. Что я ничего не делаю. Что я ее обкрадываю. Что я...
Она замолчала. Слишком много сказала.
- Понимаю, - сказал он. - У меня мать тоже, устает и срывается. На отца конечно орать боится, поэтому орет на меня, ну или на сестру.
- А сестра сколько лет?
- Десять, у нее ДЦП, не ходит и говорит плохо. За ней ухаживать надо постоянно.
- И ты помогаешь?
- Кто еще? Мать на работе, отец пьяный. Я кормлю, переодеваю, лекарства даю.
Он сказал это так, как будто это было нормально. В шестнадцать лет работать, ухаживать за инвалидом-сестрой, терпеть пьяного отца.
- Жалко, - сказала она.
- Чего?
- Тебя. Тяжело.
- Не надо жалеть. Все так живут. Кто-то лучше, кто-то хуже.
Он докурил, бросил окуроч. Посмотрел на нее. - Завтра придешь?
- Если мать не проснется.
- Я буду. Обычно после десяти выхожу. Когда отец засыпает.
- А если не заснет?
- Тогда не выйду или выйду позже.
Она кивнула. - Ладно.
- Спокойной ночи, Аня.
- Спокойной.
Аня вернулась в квартиру. Тишина, доносился только храп из спальни матери.
Однокомнатная хрущевка из двадцати восьми квадратов. Прихожая - два метра на метр, со сломанной вешалкой и вечной лужей на полу от мокрой обуви.
Кухня шесть квадратов, на ней старая газовая плита с отваливающейся эмалью, холодильник «Ока» который гудел как трактор, на столе грязная тарелка, кружка с остатками чая, пачка дешевых сигарет.
В комнате диван-кровать, где спит Аня, рядом кровать матери, на которой она сейчас и спала. Старый телевизор «Рубин» на тумбочке, книжная полка с учебниками и тремя потрепанными романами, которые мать когда-то купила в переходе, на стене убогие обои в цвето-

чек, у окна стол, за которым Аня делает уроки. Пол линолеумный, в трещинах. У двери дыра, заклеенная скотчем.

Аня сняла куртку, повесила на спинку стула. Села на диван. Включила телевизор, без звука картинка рябила и она быстро выключила, от греха подальше.

Легла, укрылась старым колючим пледом, он пах пылью и старым домом.

Аня закрыла глаза, слушая храп матери. Вспомнила его голос, низкий, немного хриплый и руки - крупные, в ссадинах.

«Завтра придешь?»

«Если мать не проснется».

Она попробовала улыбнуться, улыбка получилась кривой и натянутой.

Легла спать.

Макс поднялся на этаж выше, вставил ключ в замочную скважину, он всегда поворачивался туго, был старый и заедал.

Квартира такая же обшарпанная, но двухкомнатная, в прихожей стояла груда обуви: отцовские рваные ботинки, материны стоптанные туфли, его кроссовки, детские ботиночки сестры.

Всегда стоял странный запах, смесь старой еды, лекарств, табака и чего-то кислого.

Он прошел на кухню. Мать сидела за столом, пила чай, лицо было серое от усталости.

- Где был? - спросила тихо.

- На лестнице. Курил.

- Опять куришь. Легкие испортишь.

- Уже нечего портить.

Мать вздохнула. - Отец в комнате. Спит.

- Пьяный?

- А когда по-другому?

Макс кивнул. Открыл холодильник. Пусто. Полпачки масла, банка соленых огурцов, пакет молока.

- Есть что-нибудь?

- В кастрюле остался суп.

Он налил суп в тарелку, противный, овощной и жидкий. Молча сел за стол и начал есть.

- В школе как? - спросила мать.

- Нормально.

- Уроки сделал?

- Сделаю завтра утром.

- Макс... - мать посмотрела на него. Глаза красные. - Ты не должен... Я знаю, тяжело. Работа, уроки, Света...

- Ничего, мам. Все нормально.

- Нет, не нормально. Ты должен учиться. Должен...

- Должен что? - он положил ложку. - Поступить в институт? На какие деньги? Ты на двух работах, отец пьет, Свете лекарства нужны каждый месяц. Кто будет деньги зарабатывать?

Мать опустила глаза. - Прости.

- Не надо извиняться.

Он допил суп, помыл тарелку. - Света спит?

- Спит. Дала ей лекарство.

- Хорошо.

Он прошел в комнату. Комната разделена шифоньером пополам. С одной стороны - его угол: раскладушка, тумбочка, полка с книгами. С другой - сестра: кровать с бортиками, столик с лекарствами, игрушки, которые ее мало интересовали.

Света спала. Дыхание ровное, но тяжелое, бледное лицо, скрюченные ручки.

Макс сел на свою кровать, дырявые носки бросил в угол.

Лег. Потолок в трещинах. Над кроватью пятно от протечки. В прошлом году их залили соседи сверху, так и не отремонтировали.

Он закрыл глаза. Вспомнил ее. Аня. Худенькая, бледная. Сигарету держала неумело. Кашляла.

Из-за шифоньера слышался стон Светы. Он встал и подошел. Девочка ворочалась во сне, он поправил одеяло, погладил по голове.

- Спи, Светик. Все хорошо.

Она успокоилась. Он вернулся на кровать.

За стеной захрапел отец. Громко, с присвистом.

«Завтра придешь?»

«Я буду».

Он заснул.

На следующий день Аня вышла в десять. Он уже был там.

- Привет, - сказал он. - Я думал, не придешь.

- Почему?

- Мать могла проснуться.

- Спит, как убитая.

Он кивнул, достал сигареты. - Беломор. Хочешь?

- У меня свои есть.

- Бери, у меня две пачки.

Она взяла. «Беломор» был крепче. Первая затяжка ударила в голову.

- Сильные, - сказала, кашлянув.

- Зато на дольше хватает, они дешевые.

Курили молча. Дождь все шел.

- В шараге как? - спросил он.

- Нормально. Скучно. У тебя?

- Тоже. Учусь плохо. На работе устаю, на парах сплю.

- А что после что хочешь?

- Не знаю, пойду туда куда возьмут. Может, на стройку. Или дальше грузчиком. А ты?

- Парикмахером. В Москву хочу. Говорят, там деньги хорошие.

- Одна поедешь?

- А с кем? Мать не поедет. Друзей нет.

- Почему нет?

- Не знаю. Не складывается. Девочки меня не особо принимают. Про одежду говорят, про мальчиков. У меня одежда старая, с чужого плеча, мальчиков нет.

- А почему нет?

Она посмотрела на него. - Ты много вопросов задаешь.

- Просто интересно.

- Не знаю. Не нравлюсь никому, наверное.

- Врешь. Ты красивая.

Она почувствовала, как щеки горят. - Не говори глупостей.

- Это не глупость. Правда.

Помолчали. Сигареты догорали.

- А у тебя девушка есть? - спросила она.

- Нет. Когда я? Работа, сестра, пары...

- А хотел бы?

- Не знаю. Наверное. Но кто захочет? У меня ничего нет. Квартира разваленная, отец пьяный, сестра инвалид...

- Может, кому-то будет все равно.

- Вряд ли.

Он бросил окурок. - Завтра придешь?

- Приду.

- Хорошо.

Так и началось.

Они встречались каждый вечер. Иногда молча курили. Иногда говорили о школе, о работе, о соседях.

Однажды он принес две банки пива. - С фуры стащил. Водитель спал, я взял.

- А если заметит?

- Не заметит, их там дохера.

Она никогда не пила, но банку взяла. Пиво было теплым, горьким. Сморщилась.

- Гадость.

- Зато бесплатно и можно отвлечься.

Выпили, сидя на холодных ступеньках, алкоголь ударил в голову, говорили больше обычного.

- Вчера отец пришел пьяный, - сказал Макс. - Разбил тарелку об стену, кричал, что жизнь дерьмо, все мы дерьмо, испортили ему жизнь.

- А что ты делал?

- Сидел в комнате с сестрой. Она плакала, ее нервируют громкие звуки, успокаивал.

- А мать?

- На работе была в ночную.

Аня вздохнула. - У меня вчера мать обвинила, что я у нее деньги украла. Пятьсот рублей. Кричала, что я воровка, что я ее обкрадываю.

- А ты брала?

- Нет. Она сама, наверное, на водку потратила или потеряла.

- И что сделала?

- Орала, плакала, потом легла спать. Утром встала как будто никуда и не случилось.

- Классика.

Он допил пиво, смял банку. - Интересно, они когда-нибудь понимают, что мы все слышим? Все эти скандалы, все эти слезы?

- Думаю им все равно. Мы для них просто... ну, есть и есть, типо как мебель.

- Да.

Помолчали. Пиво ударило в голову. Аня почувствовала легкое головокружение.

- Холодно, - сказала она.

- Да. Отопление еще не дали.

Она дрожала в тонкой кофте. Макс посмотрел на нее, снял свой худи.

- Надень.

- А ты?

- Я в футболке посижу. Не долго же.

Накинул ей на плечи. Худи был большой, пах табаком и его потом.

- Спасибо.

- Не за что.

Стояли близко. Очень близко. Она слышала его дыхание. Видела, как двигается его горло, когда он глотает.

- Аня...

- Что?

Он не ответил. Просто наклонился и поцеловал ее.

Губы сухие, шершавые. Вкус пива, табака. Она не отстранилась. Стояла неподвижно, потом сама приподнялась на цыпочках, ответила на поцелуй.

Длилось несколько секунд. Потом он отошел.

- Извини. Я не хотел...

- Я знаю.

- Просто...

- Я знаю.

В его глазах было смятение, страх, желание. То же, что чувствовала она.

- Завтра? - спросил он, голос снова стал хриплым.

- Завтра.

Аня вернулась в квартиру. Мать все еще спала. Она сняла его худи, повесила, приблизилась поближе и понюхала ткань. Губы начали гореть, а в голове кружилось от пива и от поцелуя. Села за стол и открыла учебник. Химия... Формулы плыли перед глазами.

Закрыла учебник, легла, тупо смотрела в потолок.

«Завтра».

Макс поднялся в квартиру. Отец сидел на кухне, пил чай, странно что не водку, но глаза уже были мутные.

- Где был? - спросил хрипло.

- На лестнице.

- Курил?

- Да.

- Маленький еще курить.

Макс промолчал. Прошел в комнату. Света спала, мать сидела рядом, шила что-то.

- Все хорошо? - спросила тихо.

- Да.

- Кто это был? На лестнице?

- Соседка снизу.

- Аня?

- Да.

Мать кивнула. - Хорошая девочка. Тихоня. Мать у нее... тяжелая.

- Я знаю.

Он разделся, лег на кровать. Губы все еще чувствовали прикосновение ее губ. Мягких, чуть дрожащих.

«Завтра».

Из кухни донесся голос отца: - Чай холодный! Кто чай заваривал? Холодный!

Макс закрыл глаза и зажал уши подушкой.

Наш маленький мир

На следующее утро Аня проснулась от привычного звука - мать хлопала дверцами шкафов на кухне, гремя посудой и бормоча что-то себе под нос, что всегда означало плохое настроение и готовящийся скандал. Солнце, пробивавшееся сквозь грязное окно, отбрасывало на потолок бледные пятна, а за стеной уже доносились голоса соседей, начинавших свой день с перебранки из-за очереди в ванную. Аня потянулась, чувствуя во рту горький привкус вчерашнего пива и сигарет, и на мгновение закрыла глаза, вспоминая вчерашний поцелуй на холодной лестничной клетке, его губы, шершавые от мороза и табака, и то, как дрожали ее собственные руки, когда она ответила ему.

- Аня, вставай уже! - донесся из кухни резкий голос матери. - Опять проспешь, в заведение свое опоздаешь, а мне потом из-за тебя отчитываться!

Она встала, натягивая на себя старый халат, потертый на локтях и пахнущий стиральным порошком, который мать покупала самым дешевым, экономя каждую копейку. В ванной, где облупилась краска с потолка и подтекал кран, она умылась холодной водой, глядя на свое отражение в потрескавшемся зеркале - бледное лицо, темные круги под глазами, следы усталости, которые уже стали привычными.

«Ты красивая, когда не хмуришься», - вспомнились его слова, и она попыталась улыбнуться, но получилось как-то неестественно, криво.

За завтраком, состоящим из чая с дешевым печеньем и куска вчерашнего хлеба, мать, не глядя на нее, сказала: - Деньги на проезд дала вчера, не потеряй, а то пешком пойдешь. - Голос был сухим, отстраненным, как будто она разговаривала не с дочерью, а с кем-то посторонним, случайно зашедшим на кухню.

- Не потеряю, - тихо ответила Аня, чувствуя, как внутри все сжимается от привычного напряжения, ожидая, что вот-вот начнется - упреки, крики, слезы.

Но мать лишь кивнула, допила чай и встала, собираясь на работу, надевая свой старый плащ, из кармана которого торчала пачка сигарет. - Вечером еды не жди, сама что-нибудь сделай, у меня ночная смена, - бросила она на ходу, уже выходя из квартиры, хлопнув дверью так, что задрожали стекла в окнах.

Аня осталась одна в тишине, которая после ухода матери казалась особенно гулкой, наполненной лишь тиканьем старых часов на кухне и отдаленным гулом города за окном. Она собрала учебники в потрепанный рюкзак, надела куртку, уже тонкую на локтях, и вышла из квартиры, спускаясь по лестнице, где в воздухе еще витал запах вчерашних сигарет, смешанный с сыростью и чем-то затхлым.

Тем временем наверху Макс уже был на ногах с шести утра, помогая матери собрать сестру в специальную школу, куда ту возили на автобусе для детей-инвалидов. Света, сидя в инвалидной коляске, смотрела на него большими глазами, в которых отражалась и доверчивость, и постоянная боль, ставшая уже частью ее существования, а он, аккуратно поправляя ей одеяло и проверяя, взяты ли все лекарства, чувствовал привычную тяжесть ответственности, давившую на плечи, как мешок с цементом.

- Все готово, мам, - сказал он, откатывая коляску к двери, в то время как мать, торопливо доедая бутерброд и поправляя растрепанные волосы, кивала, уже думая о предстоящем рабочем дне, который продлится до позднего вечера.

Отец, как обычно, храпел в соседней комнате, не просыпаясь даже от шума, и Макс, проходя мимо, на мгновение задержался у двери, глядя на его спящую фигуру, разметающуюся на кровати в нелепой позе, и почувствовал знакомую смесь жалости и злости, которая годами копилась внутри, не находя выхода.

Выведя сестру на улицу и усадив в специальный автобус, который подъехал, скрипя тормозами, он пошел в колледж, засунув руки в карманы и опустив голову, чтобы ветер, холодный и пронизывающий, не бил в лицо. По дороге он встретил пару однокурсников, которые, увидев его, кивнули коротко, без слов, все в их районе знали его ситуацию, и это знание создавало невидимую стену, отделявшую его от остальных, делая его одновременно и своим, и чужим.

Пары шли своим чередом - скучные, монотонные, заполненные голосами учителей, звучавшими как отдаленное жужжание, и шелестом страниц учебников. Макс сидел за последней партой, глядя в окно, где за стеклом медленно плыли серые облака, и думал о вчерашнем вечере, о том, как неожиданно мягкими оказались ее губы, и о том, что сегодня они снова увидятся на лестничной клетке, в этом их общем убежище от всего мира.

Аня тоже с трудом сосредотачивалась на занятиях, перебирая в памяти вчерашние события, как драгоценные камни, которые боялась потерять. На перемене, сидя в углу коридора и глядя, как другие девочки весело болтают, перебирая друг у друга волосы и обсуждая новых мальчиков, она чувствовала себя невидимкой, призраком, которого никто не замечает и которому нет места в их ярком, шумном мире.

Преподаватель литературы, заметив ее рассеянность, спросила: - Аня, ты с нами? - и она, вздрогнув, кивнула, чувствуя, как краснеет от смущения, и снова уткнулась в учебник, где строки стихов сливались в неразборчивые линии.

После пар, вместо того чтобы идти домой, она зашла в библиотеку, где было тихо и пахло старыми книгами, и села у окна, перелистывая журнал о парикмахерском искусстве, мечтая о том дне, когда она сможет уехать отсюда, в большой город, где все будет по-другому.

Но мечты развеивались, как дым, когда она выходила на улицу и видела знакомые серые дома, разбитые дороги, мусор во дворах, и понимала, что этот мир, этот город, эта жизнь держат ее в своих цепких объятиях, не отпуская.

Вечером, вернувшись домой, Аня обнаружила, что мать уже ушла на работу, оставив на столе записку: «Купи хлеба, деньги на тумбочке». Она взяла несколько потрепанных купюр, спустилась в магазин на первом этаже, где продавщица, женщина с усталым лицом, молча протянула ей батон, даже не глядя в глаза.

Поднимаясь обратно по лестнице, она услышала шаги сверху и, подняв голову, увидела Макса, который спускался навстречу, держа в руках мусорный пакет.

- Привет, - сказал он, остановившись, и в его глазах мелькнуло что-то теплое, знакомое.

- Привет, - ответила она, чувствуя, как неожиданно забилося сердце, будто вырвавшись на свободу после долгого заточения.

- Вечером выйдешь? - спросил он, сбрасывая пакет в мусорный бак, стоявший в углу площадки.

- Выйду, - кивнула она. - После десяти.

- Я буду ждать.

Он прошел мимо, слегка коснувшись ее плеча, и это мимолетное прикосновение оставило на коже ощущение тепла, продержавшееся несколько секунд, пока она стояла, глядя ему вслед, а потом медленно пошла в свою квартиру, где снова ждала тишина и одиночество.

Вечер наступил медленно, как всегда в ноябре, когда темнеет рано и город погружается в сумерки, зажигая тусклые фонари, отбрасывающие на асфальт бледные круги света. Аня, закончив делать заданное и поужинав тем, что нашлось в холодильнике, вареной картошкой и котлетой, оставшейся с прошлого дня, - вышла ровно в десять, как и договорились.

Макс уже был там, прислонившись к стене и куря, и дым от его сигареты вился в холодном воздухе, создавая причудливые узоры, которые растворялись в полумраке.

- Не замерзла? - спросил он, увидев ее, и в его голосе прозвучала забота, к которой она уже успела привыкнуть за эти несколько дней.

- Нет, нормально, - ответила она, хотя на самом деле дрожала от холода, но не хотела показывать это, не желая выглядеть жалкой.

Он протянул ей свою куртку, и она, не сопротивляясь, накинула ее на плечи, чувствуя, как тепло его тела, оставшееся в ткани, согревает ее, проникая сквозь тонкую кофту.

- Как день прошел? - спросил он, закуривая новую сигарету, и она, глядя на его профиль, освещенный тусклым светом лампочки, висящей под потолком, рассказала о колледже, о библиотеке, о своих мечтах стать парикмахером, а он слушал внимательно, не перебивая, лишь иногда кивая, как будто каждое ее слово было важно.

Потом настала его очередь, и он рассказал о том, как провел день, пары, работа, сестра, отец, и в его рассказе не было жалоб, лишь констатация фактов, сухих и безрадостных, как будто он уже смирился с этой жизнью, принял ее как данность.

- А ты не устаешь? - спросила она тихо, глядя на его руки, лежащие на коленях, крупные, сильные, но уже покрытые шрамами и ссадинами от постоянной работы.

- Устаю, - признался он, и в его глазах на мгновение мелькнула уязвимость, которую он обычно тщательно скрывал. - Но что поделать? Надо жить.

Они помолчали, слушая, как за стеной кто-то включил телевизор, и доносились обрывки какой-то передачи, смех, музыка, звучавшие как эхо из другого мира, чужого и недоступного.

- Знаешь, - сказала она вдруг, - иногда мне кажется, что мы с тобой как эти сигареты. Горим быстро, оставляя после себя только пепел и дым.

Он посмотрел на нее, и в его взгляде было что-то глубокое, понимающее. - Может, и так. Но пока горим, мы греем друг друга.

Он снова поцеловал ее, на этот раз медленнее, нежнее, как будто боясь спугнуть хрупкость момента, и она, закрыв глаза, ответила ему, чувствуя, как внутри что-то тает, оттаивает после долгой зимы.

Потом они сидели рядом, курили, разговаривали о пустяках, смеялись над какими-то глупостями, и в эти минуты казалось, что весь мир сузился до этой лестничной клетки, до них двоих, до тишины, нарушаемой лишь их голосами и далеким шумом города.

Когда пробило одиннадцать, он сказал: - Надо идти, завтра рано вставать, - и она, кивнув, встала, возвращая ему куртку.

Вернувшись домой, Аня легла в кровать, укрывшись одеялом, и долго лежала без сна, глядя в потолок, где плясали тени от уличного фонаря, и думала о нем, о Максе, о том, что он стал для нее островком тепла в этом холодном мире, и боялась, что это ненадолго, что все рано или поздно закончится, как всегда заканчивается в их жизни.

А он, поднявшись к себе, застал отца уже проснувшимся и сидящим на кухне с бутылкой, и, пройдя мимо, не сказав ни слова, зашел в комнату, где мать уже укладывала Свету спать, и сел на свою кровать, чувствуя усталость, накопившуюся за день, но одновременно и странную легкость, которую дарили ему эти вечерние встречи с Аней, ставшие уже необходимыми, как воздух.

И так, день за днем, неделя за неделей, они продолжали встречаться на лестничной клетке, создавая свой маленький мир. Там не было пьяного отца, уставшей матери, больной сестры, скандалов, бедности, отчаяния, а были только тихие разговоры, сигаретный дым и поцелуи. И кто знает, может все изменится?

Прикоснись ко мне

Прошло уже три недели с тех пор, как они начали встречаться в подъезде. Зима наступала стремительно, стало так холодно, что дыхание превращалось в пар, а пальцы немели даже в карманах. Но они все равно выходили, каждый вечер, как по расписанию, будто это было единственное, что держало их на плаву в этом ебучем мире.

В тот день у Ани случился особенно жесткий скандал с матерью. Та, вернувшись с ночной смены невыспавшейся и злой, устроила разборку из-за невымытой посуды, переросшую в истерику с криками «ты мне всю жизнь испортила» и «лучше бы тебя не рожала». Аня, не выдержав, хлопнула дверью и выбежала из квартиры, даже не взяв куртку, только в тонком свитере, который уже протерся на локтях.

На лестнице было пусто. Макс еще не пришел. Она села на холодные ступеньки, обхватив себя руками, и тихо, чтобы никто не услышал, разревелась. Конечно это было не из-за посуды, а из-за всего этого дерьма, которое называлось ее жизнью.

Через десять минут сверху послышались шаги. Он спускался, неся в руках пластиковый пакет, из которого торчали горлышки бутылок.

- Что случилось? - сразу спросил он, увидев ее заплаканное лицо.

- Да фигня, - вытерла глаза рукавом. - Мать опять пиздец устроила.

Он кивнул, сел рядом. - У меня тоже. Отец сегодня с утра бухой, орал, что я бездельник, что нахер никому не нужен. Чуть не подрались.

Достал из пакета две бутылки пива и пачку чипсов. - Держи, опять с фуры стащил. Сегодня водитель спал как убитый.

Аня взяла бутылку. Пиво было теплым, дешевым, «Балтикой» третьего сорта. Она открыла крышку, сделала большой глоток - горько, противно, но через секунду по телу разлилось тепло, снимающее напряжение.

- Спасибо, - хрипло сказала.

- Не за что.

Выпили молча, заедая чипсами, которые хрустели громко в тишине подъезда. Первая бутылка опустела быстро. Макс достал вторую.

- Еще?

- Давай.

Они редко пили, у них не было денег, да и некогда. Но сегодня было можно. Хотелось просто забить. На все, на учебу, на работу, на родителей.

Вторая бутылка пошла легче. Голова начала слегка кружиться, мир стал мягче, размытее. Аня прислонилась к стене, чувствуя, как тепло от алкоголя разливается по животу, согревая изнутри.

- Знаешь, что я хочу? - сказала она, глядя в потолок, где висела паутина, колышущаяся от сквозняка.

- Что?

- Уехать. Просто взять и свалить отсюда. Куда угодно. Чтобы никто не орал, не требовал, не говорил, какая я хуевая.

- А я хочу, чтобы сестра была здоровой, - тихо сказал Макс. - Чтобы она могла ходить, бегать, как все. А отец... чтобы просто сдох, наверное.

Он сказал это без злобы, констатируя факт. Аня посмотрела на него. В полумраке его лицо казалось резче, глаза темнее. Он был красивый, черт возьми. Не как эти пацаны из школы, которые пафосно зачесывали волосы и носили дурацкие штаны. Он был настоящий. Избитый жизнью, но настоящий.

- Подвинься, - сказала она.

Он подвинулся. Она прижалась к нему боком, чувствуя тепло его тела через тонкую ткань его худы. Он не отодвинулся. Наоборот, обнял ее за плечи, грубо, неловко, как умел.

- Холодно, - пробормотал.

- Ага.

Сидели так, допивая пиво. Третью бутылку он открыл, отпил сам, потом передал ей. Их пальцы коснулись, и она почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

- Ты... - начала она, но не закончила.

- Что?

- Ничего.

Он повернул ее лицо к себе. Руки были шершавые, пахли табаком и чем-то металлическим - может, от работы. - Говори.

- Ты мне нравишься, - выпалила она, и сразу почувствовала, как горит лицо. Алкоголь развязал язык, снял привычные барьеры.

Он не ответил. Просто смотрел на нее, и в его глазах было что-то тяжелое, горячее. Потом он наклонился и поцеловал ее. Не как в прошлый раз, нежно и осторожно, а жестко и жадно.

Она ответила тем же, вцепившись пальцами в его волосы, притягивая ближе. Язык скользнул между ее губ, и она разрешила, сама встретив его своим.

Целовались долго, пока не перехватило дыхание. Отстранились, тяжело дыша. Губы горели, в голове шумело от пива и от этого, от этого дикого желания, которое вдруг проснулось где-то глубоко внизу живота, теплого, влажного, настойчивого.

- Пойдем ко мне, - хрипло сказал Макс. - Отец сегодня в запое, спит как труп. Мать на ночной. Сестра у бабки.

Она кивнула, не думая. Рука об руку, шатаясь немного, они поднялись на этаж выше.

Его квартира пахла так же, как и у нее, старостью, бедностью, отчаянием. Но сейчас ей было все равно. Он провел ее в свою половину комнаты, отгороженную шифоньером. Здесь было тесно, раскладушка, тумбочка, полка с книгами. На стене плакат с какой-то метал-группой, уже пожелтевший.

- Привет, - глупо сказала она, и они оба засмеялись - нервно, срывающиеся.

- Привет, - ответил он, и снова поцеловал ее, уже стоя посреди комнаты, прижимая к себе так сильно, что кости хрустели.

Руки его скользнули под ее свитер, коснулись кожи на спине. Она вздрогнула, его пальцы были холодными, но приятными. Очень.

- Можно? - прошептал он прямо в губы.

- Да.

Он стянул свитер через голову, бросил на пол. Под ним оказалась старая футболка, тонкая, почти прозрачная. Он провел ладонями по ее бокам, по ребрам, которые выпирали под кожей. - Ты такая худая, - сказал, и в его голосе была нежность, которую она раньше не слышала.

- А ты... сильный, - ответила она, запуская руки под его худы, касаясь твердого живота, мышц, напряженных от постоянной работы.

Они упали на кровать, которая скрипнула жалобно под их весом. Он оказался сверху, опираясь на локти, чтобы не давить на нее. Целовал ее шею, ключицы, грудь через ткань футболки. Она закинула голову назад, закрыв глаза, чувствуя, как все внутри замирает, а потом взрывается волнами тепла.

Его рука скользнула вниз, коснулась кожи на животе, и она инстинктивно втянула его, но он не отнял, просто гладил, медленно, осторожно. Потом пальцы нашли пояс джинсов, кнопку, молнию.

- Стой, - выдохнула она, открыв глаза.

Он замер. - Что? Не хочешь?

- Хочу. Просто... я не...

- Я уже это делал, - тихо сказал он. - Если что.

Она посмотрела в его глаза. Они были темными, серьезными. И испуганными, как и ее собственные.

- Ладно, - кивнула она. - Только... аккуратно.

- Обещаю.

Молния расстегнулась с тихим шелестом. Его рука скользнула внутрь, под ткань трусов, и она задержала дыхание, когда пальцы коснулись ее промежности.

- Блять, - прошептал он, и в его голосе было изумление, благоговение.

Она не могла говорить. Только смотрела в потолок, чувствуя, как его пальцы осторожно исследуют ее, начинают двигаться, сначала неуверенно, потом увереннее, в ритме, который заставлял ее тело выгибаться само собой.

- Так... да... вот так, - вырывалось у нее обрывками, и она кусала губу, чтобы не закричать, потому что за стеной спал его отец, а в соседней квартире могли услышать.

Он прислушивался к каждому ее звуку, каждому движению, корректируя свои действия. Потом наклонился, поцеловал ее снова. Его пальцы работали все быстрее, и она чувствовала, как что-то нарастает внутри, как волна, которая вот-вот накроет с головой. Схватила его за руку, вцепилась пальцами, и он понял, не останавливаясь, а наоборот, ускоряясь.

И тогда она кончила. Тихо, сдавленно, всем телом содрогаясь в судорогах, которые выбили из нее воздух и мысли. Она лежала, тяжело дыша, глядя в потолок, где трещины складывались в причудливые узоры. Он осторожно вынул руку, лег рядом, тоже дыша неровно.

- Нормально? - спросил через минуту.

- Ага. А ты?

- Я... - он посмотрел на свою руку, потом на нее. - Мне норм.

Она повернулась к нему, обняла. Он был напряжен, все мышцы каменные. Она поняла.

- Хочешь, я... - не договорила, но рука уже потянулась к его джинсам.

- Не надо, - быстро сказал он. - И так нормально.

- Правда?

- Правда. Просто... полежим так.

Они лежали, прижавшись друг к другу, слушая, как за стеной храпит отец, как где-то на улице проезжает машина, как тикают часы в соседней комнате.

- Это было... - начала Аня.

- Да, - перебил он. - Было.

Они не говорили больше ничего. Не нужно было. Все и так было понятно.

Через полчаса она встала, надела одежду. Он проводил ее до двери.

Поцеловались еще раз, быстро и сухо. Она спустилась в свою квартиру. Мать все еще не вернулась с работы.

Аня легла в кровать, укрылась одеялом. Тело еще помнило каждое прикосновение, каждый вздох. Внизу живота было тепло, приятно.

Она закрыла глаза. Впервые за долгое время заснула быстро, без мыслей о том, как все хуево.

Наверху Макс лежал на своей кровати, глядя в потолок. Рука все еще пахла ею чем-то сладким, женским. Он поднес пальцы к носу, вдохнул.

«Боже...», - прошептал он в темноту.

И улыбнулся. Впервые за много месяцев.

После

На следующее утро Аня проснулась с ощущением, будто внутри нее что-то перевернулось. Не физически, тело просто болело приятной усталостью, мышцы были расслаблены, как после долгого массажа. Нет, перевернулось что-то глубже. Какая-то внутренняя ось, вокруг которой вращалась ее жизнь.

Она лежала, глядя в потолок, и вспоминала вчерашнее. Его пальцы. Его дыхание. То, как все внутри сжалось, а потом взорвалось белым светом. Щеки горели, хотя в комнате было холодно. Она натянула одеяло на голову, как в детстве, когда боялась темноты, и зажмурилась.

«Жесть, - подумала она. - Я кончила. У меня был оргазм».

Слово «оргазм» в ее голове звучало странно, книжно, как что-то из порно или романов, которые она тайком читала в интернете. Не то, что случается с ней. С Аней, которая до вчерашнего дня даже сама себя не трогала там, потому что было стыдно и как-то грязно.

Она осторожно провела рукой по животу, потом ниже. Кожа там все еще была чувствительной, будто обожженной. Она легонько, кончиком пальца прикоснулась к клитору и вздрогнула. Все еще пульсировало. Все еще хотелось.

Она убрала руку, как от огня. «Нельзя. Сейчас мать придет».

Но мать не пришла. Она работала сутками уже третью неделю, пытаясь накопить на новую стиральную машину, потому что старая сломалась, и теперь они стирали в тазу, отжимая белье руками.

Аня встала, пошла в ванную. В зеркале на нее смотрело знакомое лицо, но в глазах было что-то новое. Она знала теперь, на что способно ее тело. Знание это было одновременно пугающим и пьянящим.

Весь день в колледже она была рассеянной. На паре по экономике, когда преподаватель что-то говорил про макроэкономические показатели, Аня смотрела в окно и вспоминала, как Макс целовал ее шею. Губы его были шершавыми от мороза, но язык горячим, влажным. Она чувствовала, как между ног становится тепло, влажно, и скрещивала ноги под столом, пытаясь подавить это ощущение.

«Перестань, - говорила себе. - Ты же не извращенка какая-то».

Но тело не слушалось. Оно жило своей жизнью, вспоминая каждое прикосновение, каждый вздох. На перерыве, сидя в туалете, она не выдержала и просунула руку под юбку, под колготки, и коснулась себя там. Всего на секунду. Но этого хватило, чтобы по спине пробежали мурашки, а в животе что-то ёкнуло.

Она выдернула руку, как обожженную. «Что со мной?»

Вечером она не пошла на лестничную клетку. Сидела дома, делала задания, но не могла сосредоточиться. Каждые пять минут поглядывала на часы. Десять. Десять пятнадцать. Десять тридцать.

«Он ждет, - думала она. - Наверное, думает, что я дура, что пожалела».

Но она не жалела. Она боялась. Боялась, что если придет, то не сможет остановиться. Боялась, что захочет большего. Боялась, что он увидит в ее глазах это новое, голодное что-то, чего она сама стыдилась.

Она легла спать в одиннадцать, но долго не могла уснуть. Ворочалась, вспоминая. Руки сами тянулись между ног, но она сжимала их в кулаки, засовывала под подушку.

«Завтра, - обещала себе. - Завтра приду».

Но знала, что солжет.

Макс ждал ее до одиннадцати. Стоял на лестничной клетке, курил одну сигарету за другой, прислушиваясь к шагам снизу. Но шагов не было.

«Наверное, мать не отпустила, - думал он. - Или сама не захотела».

Вторая мысль была горькой, как табачный дым. Может, она пожалела, поняла, что он грязный грузчик из бедной семьи, и ей стало противно.

Он бросил окурок, раздавил его подошвой, поднялся к себе. В квартире было тихо. Отец ушел куда-то с утра и не вернулся, это была прекрасная новость, мать ушла на работу. Сестра спала, ее ровное, хрипловатое дыхание доносилось из-за ширмы.

Макс разделся, лег на свою раскладушку. Выключил свет. В темноте воспоминания нахлынули с новой силой.

Ее кожа под футболкой, бледная и тонкая, с синими прожилками вен. Соски, твердеющие под тканью, когда он касался их губами. Звук, который она издала, когда он водил пальцами по ее киске, тихий, сдавленный стон, от которого у него перехватило дыхание. И то, как она кончила всем телом, содрогаясь, вцепившись в его руку так, что остались следы от ногтей.

Его член, который и так был твердым с самого утра, когда он вспомнил вчерашнее, сейчас напрягся еще сильнее, болезненно упираясь в ткань боксеров. Он застонал тихо, повернулся на бок.

«Не надо, - сказал себе. - Рядом сестра спит».

Но тело не слушалось. Оно помнило ее запах дешевого шампуня, сигарет, чего-то сладкого, женского. Помнило, как она была влажной и горечей. Как сжилась вокруг его пальцев, когда он хотел засунуть их внутрь, но не стал.

Он закусил губу, пытаясь отогнать мысли, но они лезли в голову, настойчивые, как похмелье. Рука сама потянулась к члену. Он схватил ее другой рукой, оттянул.

«Блять, Макс, ты что, совсем ебанутый? - прошипел он в темноту. - Сестра в двух метрах, а ты...»

Но член пульсировал, требуя внимания. Кровь стучала в висках. Он вспомнил, как она смотрела на него после, влажные глаза, губы распухшие от поцелуев. Как сказала: «Нормально?» таким маленьким, испуганным голосом.

«Черт с ним», - выдохнул он.

Осторожно, стараясь не скрипеть пружинами, он стянул боксеры до колен. Член выпрямился, он был большим, толстым, с выраженной головкой, он всегда стеснялся этого, особенно в раздевалке, где другие пацаны топтались вместе и сравнивали размеры.

Он взял его в руку. Кожа была горячей, натянутой. Провел большим пальцем по уздечке и вздрогнул от удовольствия. «Блять...»

Начал двигать рукой вверх-вниз, медленно, осторожно. В комнате стояло только его тяжелое дыхание и сопенье сестры. Каждый звук казался ему громким, как выстрел. Он прикусил губу, чтобы не застонать.

Мысли неслись обрывками. Ее грудь. Ее живот. То, как она выгнулась, когда он коснулся клитора. Ее пальцы в его волосах. Ее шепот: «Да... вот так...»

Он ускорил движения. Представлял, что это не его рука, а ее. Что она здесь, в его комнате, на его кровати. Что она касается его, целует, садится на него...

«Аня...» - вырвалось у него, тихо, как молитва.

Оргазм накатил внезапно, сокрушительно. Он успел только схватить лежавшую рядом футболку и прижать к кончику члена, когда сперма хлынула горячими толчками, пропитывая ткань. Тело выгнулось дугой, мышцы живота напряглись до боли. Он зажмурился, кусая кулак, чтобы не закричать.

Потом лежал, тяжело дыша, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Стыд накрыл его волной, горячей и липкой, как пот.

«Уебан, - прошипел он себе. - Полный уебан. Сестра больная тут, а ты лежишь драчишь»

Он встал, пошел в ванную, унося испачканную футболку. Умылся холодной водой, глядя на свое отражение в зеркале. Глаза были красными, лицо осунувшимся.

«Что ты делаешь, Макс? - спросил он свое отражение. - Она тебе не пара. У тебя даже своей комнаты нет. Работа грузчиком. Отец-алкаш. Сестра-инвалид. Что ты можешь ей предложить?»

Отражение молчало.

Он вернулся в комнату, лег. Член уже был мягким, безжизненным, а стыд остался.

«Завтра поговорю с ней, - решил он. - Объясню, что это была ошибка. Что так нельзя».

Но даже думая это, он знал -солжет. Потому что завтра вечером снова будет ждать ее на лестничной клетке. Потому что хотел ее снова. Сильнее, чем стыдился.

Сильнее, чем боялся.

На следующее утро они встретились в подъезде случайно, она спускалась в колледж, он выходил на работу. Увидели друг друга и замерли, как вкопанные.

- Привет, - сказала она, глядя куда-то мимо его плеча.

- Привет, - ответил он, разглядывая трещину на стене.

Пауза затянулась, неловкая, густая.

- Я вчера... - начала она.

- Я тоже ждал, - перебил он. - Но ничего. Понял.

- Не подумай плохого. Просто...

- Все нормально, - сказал он, хотя по его лицу было видно, что не нормально. - Беги, а то опоздаешь на пары.

Она кивнула, пробежала мимо. Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью.

Весь день на работе он был сам не свой. Таскал ящики с рыбой на рынке, и запах тухлятины въелся в кожу, в волосы, в одежду. Но даже этот вонючий запах не мог перебить тот, что стоял у него в носу - ее, смешанный с пивом и сигаретами.

«Сходи к ней вечером, - уговаривал себя. - Поговори нормально».

Но вечером, вернувшись домой и увидев отца, который уже был пьян и орал на мать, он понял - не пойдет. Не может. Потому что если пойдет, то не сможет остановиться. А если не сможет остановиться и испортит все.

Он вышел на лестничную клетку в десять, как обычно. Курил. Ждал.

Она не пришла.

Он просидел там до полуночи, пока не закончилась пачка сигарет. Потом поднялся к себе, лег, и снова начал думать о ней. И снова рука потянулась вниз.

На этот раз он не сопротивлялся.

Аня в это время лежала у себя в комнате и плакала. Тихо, чтобы мать не услышала. Плакала от стыда, от желания, от страха. От того, что хотела пойти к нему, но не могла. От того, что тело предавало ее, требуя того, чего она боялась.

Она взяла телефон, написала ему сообщение: «Привет». Стерла. Написала: «Извини, что вчера не пришла». Стерла. Написала: «Я хочу тебя видеть». Стерла.

В конце концов оставила экран пустым и выключила телефон.

За окном шел первый в этом году снег. Крупные, пушистые хлопья медленно падали на грязный асфальт двора, пытаясь прикрыть белизной всю эту серость, всю эту грязь.

Но снег таял, едва касаясь земли. Как и их хрупкая, теплая связь, яркая в моменте, но не способная противостоять холоду реальности.

Или способная?

Аня не знала. Знало только ее тело, которое в темноте комнаты, под одеялом, снова начало пульсировать в такт воспоминаниям.

Она закрыла глаза. Сжала кулаки.

Правильно?

На следующий день Аня все-таки вышла. Не потому что хотела, а потому что не могла больше сидеть в четырех стенах, слушая, как мать в соседней комнате переставляет мебель и бормочет себе под нос что-то злое. Десять вечера. Она надела тот же свитер, что и вчера, и почувствовала, как по спине пробежали мурашки, от холода или от нервов, не поняла.

Макс уже был на лестничной клетке. Стоял у окна, курил, глядя на падающий снег. Услышав шаги, обернулся. Их взгляды встретились и тут же разбежались, как испуганные мыши.

- Привет, - сказала она, останавливаясь в двух метрах от него.

- Привет, - ответил он, делая последнюю затяжку и бросая окурочек в банку.

Длинная, неловкая пауза, наполненная только звуком их дыхания и тиканьем часов где-то за стеной.

- Сегодня еще холоднее, чем обычно, - пробормотала Аня, хотя на самом деле ей было жарко. Щеки горели.

- Да, - согласился Макс. - Так и будем пол зимы без отопления.

Еще пауза. Он достал пачку сигарет, потряс ее, вытащил одну. Предложил ей. Она кивнула, взяла. Пальцы коснулись, оба вздрогнули и отдернули руки, как от огня.

Он прикурил ей, потом себе. Курили молча, глядя в разные стороны, она просто смотрела перед собой, он в окно. Дым вился в холодном воздухе, создавая причудливые узоры, которые тут же распадались.

«Скажи что-нибудь, - думала Аня. - Спроси, как дела. Спроси, почему вчера не пришла. Что угодно».

Но язык будто прилип к небу. Горло пересохло. Она сделала глоток воздуха, попыталась заговорить, но выдавила только: - Снег идет.

- Ага, - кивнул он. - Первый.

И снова тишина, она чувствовала, как под этой тишиной копошатся все те слова, которые они не говорили: «Вчера», «пальцы», «оргазм», «стыдно», «хочу еще».

Но никто не решался их произнести. Словно договорились молчать. Словно если не говорить, то и не было ничего. Как будто можно стереть память тела простым молчанием.

Сигарета догорела. Аня бросила окурочек. Макс докурил свою.

- Ладно, - сказала она. - Пойду.

- Ага, - ответил он. - Спокойной.

Она развернулась, пошла к своей двери. Чувствовала его взгляд на спине. Хотела обернуться, сказать что-то, но не смогла. Просто вошла в квартиру, закрыла дверь, прислонилась к ней спиной.

Сердце колотилось где-то в горле. «Идиотка, - ругала себя. - Сидела как дура, молчала как рыба. Он же подумал, что ты пожалела. Что тебе противно».

Но это была не правда. Ей не было противно. Ей было страшно. Страшно того, что теперь между ними что-то изменилось. Что теперь каждый взгляд, каждое прикосновение будет нести в себе память о вчерашнем. Что они уже не просто двое друзей, курящих на лестнице, а что-то большее. Или меньшее потому что теперь между ними стоит какая-то преграда.

«Нельзя, - сказала себе. - Нельзя думать об этом».

Но думала. Всю ночь.

Макс простоял на лестничной клетке еще минут десять после того, как она ушла. Курил еще одну сигарету, хотя уже не хотелось. Просто чтобы чем-то занять руки.

«Что за хуйня? - думал он. - Сидели как два идиота, молчали. Как будто вчера ничего не было».

«Брось, - сказал себе. - Она же видела, как ты живешь. Видела эту конуру, папашу, сестру. Кому такая жизнь нужна?»

Он вспомнил ее квартиру, когда заходил к ней однажды - такая же обшарпанная, такая же бедная. Но все равно. У нее хоть мать работает. У нее хоть нет инвалида в семье. У нее есть будущее, колледж, какая никакая карьера парикмахера, Москва. А у него что? Работа грузчиком до пенсии. Уход за сестрой. Отец, который рано или поздно сопьется окончательно.

«Не твой уровень, - решил он. - Не твоя лига».

Он бросил окурок, поднялся к себе. В квартире было тихо, отец где-то пропадал уже второй день, мать на работе, сестра спала. Он разделся, лег, но не мог уснуть.

Мысли крутились вокруг одного: «Надо поговорить. Надо объяснить, что это была ошибка. Что так нельзя. Что у нас разные жизни, разные пути».

Он представлял, как скажет ей это. Как она посмотрит на него, сначала с недоумением, потом с обидой, потом с ненавистью. Как развернется и уйдет. И больше никогда не выйдет на лестничную клетку.

От этой мысли стало больно где-то глубоко внутри, как будто кто-то сжал сердце в кулаке. Но он знал, что это самый правильный и единственный выход. Потому что если продолжать, то будет только хуже, потому что он не сможет дать ей ничего. Ни денег, ни будущего, ни даже нормального свидания в кафе. Только грязную лестничную клетку и пальцы её в трусах.

«Завтра, - решил он. - Завтра все скажу».

И лег спать с тяжелым камнем на душе.

На следующий день он ждал ее на лестничной клетке с семи вечера. Она вышла только в десять. Увидела его, замедлила шаг.

- Ты уже тут, - сказала тихо.

- Конечно, - ответил он. - Поговорить надо.

Она кивнула, села на ступеньку. Он сел рядом, но не близко. Между ними оставался метр пустого пространства, которое казалось непреодолимой пропастью.

- Слушай, - начал он, глядя куда-то мимо нее. - Про вчера... про то, что было...

Она замерла, сжалась, ожидая удара.

- Это была ошибка, - выпалил он. - Мы не должны были этого делать.

Тишина. Глубокая, звенящая. Потом она тихо спросила: - Почему?

- Потому что... - он замялся, искал слова. - Потому что у нас разные жизни. У тебя колледж, будущее. У меня... - он махнул рукой в сторону своей квартиры. - У меня это. Что я могу тебе предложить?

Она молчала. Лицо было бледным, как бумага.

- Я не хочу тебя тащить за собой в это дерьмо, - продолжал он, уже почти крича, хотя говорил шепотом. - Ты заслуживаешь большего. Нормального парня. Нормальную жизнь. Не эту... не эту хуйню.

- А если я не хочу «нормального»? - тихо спросила она. - Если мне и так нормально?

- Не ври, - резко сказал он. - Ты же сама хочешь в Москву. Хочешь стать парикмахером. Хочешь уехать отсюда. А я... я здесь навсегда. Я прикован к этой квартире, к этой семье. Я никогда не уеду.

Она опустила голову. Волосы упали на лицо, скрывая его.

- Так что давай... давай просто забудем, - сказал он, и голос его дрогнул. - Забудем, что было. Будем как раньше. Просто соседи. Просто... ничего.

Она подняла голову. Глаза были сухими, но в них стояла такая боль, что ему захотелось отвести взгляд.

- Хорошо, - сказала она ровным, безжизненным голосом. - Забудем.

Встала. Пошла к своей двери. Не обернулась.

Он сидел на ступеньке, курил, хотя руки дрожали так, что он едва мог удержать сигарету. «Правильно, - говорил себе. - Так правильно. Она теперь поймет. Найдет себе нормального. Будет счастлива».

Но почему тогда на душе было так, будто кто-то вырвал из него кусок мяса и бросил на землю, чтобы он истек кровью?

Аня вошла в квартиру. Мать была дома - сидела на кухне, пила чай, смотрела в одну точку. Увидев дочь, даже не пошевелилась.

- Где была? - спросила механически.

- На лестнице, - ответила Аня тем же безжизненным тоном.

- Опять куришь?

- Да.

Мать вздохнула, отхлебнула чаю. - Иди уроки делай.

«Забудем, - звучало в голове его голос. - Это была ошибка».

Подошла к зеркалу, осмотрела на свое отражение, бледное лицо, темные круги под глазами, губы, которые вчера еще целовал он.

«Ошибка, - прошептала она. - Я ошибка».

И тогда что-то внутри надломилось, сначала слезы тихо потекли по щекам, потом стало громче, она пыталась это заглушить, закусывая кулак. Но она не смогла сдерживаться, рыдания вырвались наружу и она была не в силах сдерживаться.

Она кричала в подушку, которую схватила и прижала к лицу. Кричала от боли, от стыда, от обиды. От того, что он отверг ее. От того, что он посчитал ее недостойной даже своей дерьмовой жизни. От того, что он решил за нее, что ей нужно.

«Я же говорила, что все нормально! - выкрикивала она в подушку. - Я же говорила! Почему не поверил? Почему решил, что знает лучше?»

Мать зашла в комнату, увидела ее, и на лице мелькнуло что-то похожее на беспокойство.

- Что с тобой? - спросила она, но голос был не мягким, а раздраженным. - Чего орешь?

- Уйди! - закричала Аня. - Просто уйди!

Мать постояла секунду, потом развернулась и ушла, хлопнув дверью. «Идиотка, - донеслось из-за двери. - Истеричка».

Аня лежала на полу, всхлипывая, все тело трясло от рыданий. В горле стоял ком, мешающий дышать. Она чувствовала, как боль разливается по всему телу - острая, режущая, как нож.

«Ошибка, - повторяла она про себя. - Я ошибка. Все, что со мной происходит ошибка. Мое рождение ошибка. Моя жизнь ошибка. Я ошибка».

Она встала, подошла к окну. За стеклом падал снег - белый, чистый, красивый. Он падал на грязный асфальт, на мусор во дворе, на разбитые качели, и пытался прикрыть все это белизной. Но снег таял, едва касаясь земли. Как и ее надежды теплые, яркие в моменте, но не способные противостоять холоду реальности.

Она прижалась лбом к холодному стеклу. Закрыла глаза.

«Все, - подумала она. - Больше не буду выходить. Больше не буду ждать. Больше не буду надеяться».

Но даже думая это, она знала что врет самой себе. Потому что завтра вечером она засунет свою гордость в задницу и будет слушать шаги на лестнице. Снова будет ждать, что дверь откроется и он выйдет. Снова будет надеяться, что он передумает.

Макс вернулся в свою комнату. Сестра спала. Мать еще не пришла с работы. Отец... отец, кажется, вернулся - из кухни доносился запах перегара и звук храпа.

Он сел на свою кровать. Руки все еще дрожали. В голове стоял ее голос: «Хорошо. Забудем».

«Правильно поступил, - убеждал себя. - Спас ее. Не дал себе ее испортить».

Но почему тогда чувствовал себя не спасителем, а палачом? Почему в груди была пустота, как будто кто-то выскоблил оттуда все, что было внутри?

Он лег, укрылся одеялом. Закрыв глаза. И тут же увидел ее бледное лицо с болью в глазах. Услышал ее голос: «А если я не хочу "нормального"?»

«А что ты можешь хотеть? - спросил он ее в своем воображении. - Жить в этой конуре? Ухаживать за моей сестрой? Терпеть моего отца? Работать на двух работах, чтобы сводить концы с концами? Это ты хочешь?»

Но она не отвечала. Просто смотрела на него. И в ее взгляде было не понимание, а предательство. Как будто он не спас ее, а предал. Как будто оттолкнул не из благородства, а из трусости.

«Да бля!» - выругался он вслух и ударил кулаком по стене.

Из-за шифоньера послышался стон сестры. Он вскочил, подошел к ней. Она ворочалась во сне, лицо было скорченным от боли.

- Светик, все хорошо, - прошептал он, глядя ее по голове. - Все хорошо.

Но ничего не было хорошо. Ни у нее. Ни у него. Ни у Ани.

Он вернулся на кровать. Лежал, глядя в потолок. Вспоминал их первый поцелуй на лестничной клетке. Вспоминал, как она кашляла от первой затяжки. Вспоминал, как они пили пиво и говорили о том, как все хуево. Вспоминал ее тело под своими пальцами.

И снова захотелось ее. Сильнее, чем когда-либо. Так сильно, что больно стало.

Он зажмурился, сжал кулаки. «Нельзя. Решил значит решил. Нельзя возвращаться».

Но тело не слушалось. Член снова напрягся. Он схватил его через ткань и сжал так сильно, что боль отдалась в висках.

«Прекрати, - сказал себе. - Ты же только что отверг ее. А теперь дрожишь на нее? Ты вообще нормальный?»

Но он не был нормальным. Он был таким же сломанным, как все в этой квартире. Как отец, который топил свои проблемы в водке. Как мать, которая смирилась с этой жизнью. Как сестра, которая никогда не будет ходить.

Он стянул боксеры. Взял член в руку. Начал дрожить. Жестко, быстро, с ненавистью к себе. Представлял ее. Ее грудь. Ее живот. Ее киску. Ее лицо, когда она кончала.

«Аня... - вырвалось у него. - Прости...»

Он кончил быстро, без удовольствия. Сперма брызнула на живот, горячая, липкая. Он лежал, тяжело дыша, чувствуя, как стыд накрывает его с головой.

«Какой же ты мудак, - прошипел он.

Встал, пошел в ванную, смыл с себя следы. Глядел на свое отражение в зеркале. Но увидел только конченного придурка, который только что отверг девушку, а потом дрожил на нее.

«Правильно поступил, - повторил он, глядя себе в глаза. - Она заслуживает лучшего».

Но отражение молчало. И в его глазах была только пустота и боль.

Он вернулся в комнату, лег. За окном шел снег. Белый, чистый, красивый. Он падал на грязный город, пытаясь прикрыть его грехи. Но снег таял. Как и все хорошее в этой жизни. Как и их хрупкая связь. Как и его надежда на то, что хоть что-то может быть иначе.

Он закрыл глаза. И заснул с одной мыслью в голове: «Я все сделал правильно».

Долгая ночь

Прошла неделя. Аня держала слово - не выходила на лестничную клетку. Сидела дома, училась, смотрела в окно. Иногда слышала его шаги за дверью, его голос, когда он разговаривал с кем-то по телефону. Каждый раз сердце сжималось, но она не подходила к двери. Не открывала. Не выходила.

«Забудем», - говорила она себе. Но забыть не получалось, даже воздух в подъезде был пропитан памятью о нем.

В пятницу у нее закончились сигареты. Она продержалась до вечера, но к десяти нервы сдали. Нужно было выйти, хотя бы в магазин, минут на пять.

Она надела куртку, шапку, вышла. На лестнице никого не было, только холод и тишина. Она быстро спустилась и вышла на улицу.

Снег перестал падать, но на земле лежала толстая корка льда. Фонари горели тускло, создавая длинные тени. Двор был пуст, только пара уличных собак рылись в мусорном баке.

Магазин находился в соседнем дворе, через темный проход между домами. Обычно она ходила туда днем или с кем-то, но сейчас было поздно и она была одна.

«Ничего страшного, - успокаивала себя. - Пять минут туда, пять обратно».

Она прошла через арку, вошла в узкий проход между пятиэтажками. Здесь всегда было темно, фонари давно разбили, лишь свет из окон падал на землю, создавая пятна желтого света в море тьмы.

Она ускорила шаг. Чувствовала, как по спине бегут мурашки. Слышала только звук своих шагов по льду и далекий гул машин с улицы.

И вдруг сзади она услышала другие быстрые шаги. Это был не один человек.

Она обернулась. В темноте мелькнули три силуэта. Молодые парни, в спортивных костюмах, с капюшонами на головах.

«Спокойно, - сказала себе. - Просто идут».

Но они шли прямо на нее. Ускорялись.

Сердце заколотилось. Она повернулась, пошла быстрее. Они тоже ускорились.

- Эй, девочка! - крикнул один. Голос был хриплым, пьяным. - Куда так быстро?

Она не ответила. Почти побежала. Магазин был уже близко - видела свет из окна, вывеску.

- Стой, блять! - крикнул другой.

Она побежала по-настоящему. Ноги скользили по льду, она едва удерживала равновесие. Сзади раздался смех - грубый, злой.

- Догоняй, сука!

Они бежали за ней. Шаги громкие, тяжелые. Она слышала их дыхание, их смех. Чувствовала, как адреналин заливает тело, делая его легким и одновременно тяжелым.

Добежала до выхода из прохода. Еще несколько метров - и магазин. Свет. Люди.

Но они догнали.

Кто-то схватил ее за куртку сзади, резко дернул. Она потеряла равновесие, упала на лед. Удар отозвался болью в локте и колене.

- Куда бежишь, красотка? - наклонился над ней первый. Лицо молодое, но уже обезображенное алкоголем и жизнью. Глаза мутные, злые.

- Отстаньте, - выдохнула она, пытаясь встать.

- Ой, какая недотрога - засмеялся второй. Он был повыше, коренастее. - Мы просто познакомиться хотим.

Третий стоял чуть поодаль, смотрел по сторонам. - Быстрее, ребята, тут могут быть.

- Никого нет, - махнул рукой первый. - Все дома сидят, телик смотрят.

Он наклонился еще ниже, схватил ее за подбородок. Пальцы были холодными, липкими.
- Что, одна гуляешь? Мальчик твой где?

- Отпусти, - сказала она, пытаясь вырваться. Но он держал крепко.

- А если не отпущу? - он ухмыльнулся. Из рта пахло перегаром и чем-то кислым.

Второй присел рядом, провел рукой по ее бедру. - Ножки хорошие. И попка, наверное, тоже.

Она закричала. Резко, громко. Но крик заглушил смех третьего, который подошел и ударил ее по лицу.

- Не ори, сука! - прошипел он. - Никто не услышит.

Удар был несильным, но от него потемнело в глазах. Боль разлилась по щеке, горячая, пульсирующая.

- Давайте в подъезд затащим, - предложил первый. - Тут на улице холодно.

- Ага, - согласился второй. - Там уютнее будет.

Они схватили ее под руки, подняли. Она сопротивлялась, била ногами, пыталась вырваться. Но их было трое, а она одна. Их руки были сильными, цепкими.

- Отпустите! - кричала она. - Помогите! Кто-нибудь!

- Заткнись! - ударил ее снова третий, теперь по животу.

Воздух вырвался из легких, она согнулась и закашлялась, резкая боль пронзила живот, как раскаленный нож.

Они потащили ее к ближайшему подъезду. Дверь была сломана и не заперта, здесь пахло мочой, сыростью и плесенью.

- На лестницу, - сказал первый.

Они подняли ее на несколько ступенек, бросили на холодный бетон.

- Ну что, красотка, - первый расстегнул куртку. - Давай познакомимся поближе.

Он навалился на нее, прижал к полу. Его тело было тяжелым, горячим. Он пытался поцеловать ее, но она отворачивала лицо. Его губы скользнули по щеке, оставили влажный след.

- Держи ее, - сказал он второму.

Тот схватил ее руки, прижал к полу над головой. Третий стоял у входа, смотрел на улицу.

Первый начал рвать на ней одежду. Сначала куртку, молния расстегнулась с треском, потом свитер порвалась под его руками. Под свитером была тонкая, хлопковая футболка. Он схватил ее за ворот, дернул. Ткань порвалась, обнажив бюстгальтер.

- Ого, - прошептал он. - Неплохо.

Он провел рукой по ее груди, сжал через ткань. Она закричала снова, но он ударил ее по лицу, заставив замолчать.

- Тише, сука, - прошипел он. - А то хуже будет.

Он начал расстегивать ее джинсы. Кнопка, молния. Холодный воздух коснулся кожи живота. Она билась, пыталась вырваться, но второй держал крепко. Его пальцы впивались в ее запястья, оставляя синяки.

- Помогите... - выдохнула она, но голос был слабым, прерывистым. - Макс...

Другой парень начал тянуться к ширинке своих джинсов, смотря ей в глаза своим безумным взглядом.

- Ты уже брала в ротик? Хочешь сделать мне приятно? – проговорил он с ухмылкой на лице. – Думаю парни потом тоже будут не против чтобы ты их порадовала.

И как будто в ответ на ее зов быстрые, тяжелые шаги со стороны улицы.

Третий обернулся. - Кто-то идет!

- Блять, - выругался первый, не отрываясь от нее. - Иди проверь.

Третий вышел в тамбур. Раздался удар, крик, звук падающего тела. Потом еще один удар. И еще.

- Что там? - крикнул второй, застегивая ширинку.

В этот момент в подъезд ворвался Макс.

Он был без куртки, в одном свитере. Лицо искажено было яростью. Глаза горели в темноте, как у зверя.

- Мрази! - закричал он и бросился на первого.

Тот не успел встать. Макс ударил его кулаком в лицо, раздался жуткий хруст, кажется нос сломался. Парень закричал, откатился по лестнице.

Второй вскочил, попытался ударить Макса сбоку, но Макс был быстрее, он поймал его руку, крутанул, ударил коленом в живот. Парень согнулся, закашлялся. Макс ударил его еще раз по лицу, по ребрам, по почкам. Жестко, методично, с холодной яростью.

Первый попытался встать, но Макс пнул его ногой в голову. Парень упал, застонал.

Третий лежал у входа, не двигаясь.

Макс повернулся к Ане. Она сидела на полу, прижимая к груди порванную одежду. Тело тряслось от шока, от холода, от страха.

- Аня... - его голос дрогнул. - Ты... ты в порядке?

Она не ответила. Не могла. Просто смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых стояли слезы.

Он снял с себя свитер, накинул ей на плечи. Потом поднял ее, обнял. Она прижалась к нему, зарылась лицом в его грудь и тут же тихо разрыдалась.

- Все, все, - шептал он, глядя ее по голове. - Все кончилось. Я здесь.

Он поднял ее на руки, как ребенка и понес из подъезда. Прошел мимо лежащих парней, один стонал, двое не двигались.

Выйдя на улицу, понес ее к их дому. Быстро, почти бегом. Она обнимала его за шею, плакала ему в грудь. Ее слезы были горячими, как кровь.

Он вошел в их подъезд, поднялся на их этаж. Поставил ее на ноги у своей двери.

- Ключи есть? - спросил тихо.

Она кивнула, достала из кармана. Руки дрожали так, что она не могла попасть ключом в замочную скважину.

Он взял ключи у нее, открыл дверь. Вошли внутрь.

В квартире было тихо. Мать, кажется, уже спала. Он провел ее в ванную, включил свет.

- Садись, - сказал он, усадив ее на край ванны.

Она сидела, сжавшись в комок, все еще держа его свитер на плечах. Он намочил полотенце под теплой водой, поднес к ее лицу.

- Дай посмотрю, - сказал мягко.

Она позволила ему поднять свое лицо. На щеке краснел синяк от удара. Губа была разбита, из уголка сочилась кровь, на щеке красные полосы от пальцев.

- Сволочи, - прошептал он, и в его голосе снова зазвучала ярость. - Я бы их убил...

- Не надо, - выдохнула она. - Просто... не надо.

Он начал осторожно протирать ее лицо полотенцем. Смывал кровь, грязь, слезы. Действовал медленно, бережно, как с хрупкой фарфоровой куклой.

- Они... они тебя не... - он не мог договорить.

- Нет, - покачала головой она. - Ты успел.

Он вздохнул с облегчением, но в глазах осталась боль. - Прости... прости, что не был рядом... что отпустил тебя одну...

- Это не твоя вина, - сказала она. - Я сама пошла.

Он закончил протирать ее лицо, посмотрел на нее. Глаза были опухшими от слез, но в них уже не было того пустого ужаса, что был в подъезде.

- Одежда порвана, - сказал он, глядя на ее разорванный свитер, на растянутые джинсы. - Дай я принесу тебе что-нибудь.

Он вышел, вернулся через минуту с большой футболкой и спортивными штанами. - Это мое. Надевай.

Она кивнула. Он вышел из ванной, дал ей переодеться. Слышал, как шуршит ткань, как она вздыхает.

Через пару минут она вышла. В его одежде она казалась еще меньше, еще хрупче. Рукава футболки свисали ниже локтей, штаны приходилось подворачивать.

- Сядь, - сказал он, указывая на стул на кухне.

Она села. Он поставил чайник, достал чашки. Молча заварил чай, поставил перед ней.

- Пей, - сказал. - Теплое поможет.

Она взяла чашку в обе руки, поднесла к лицу, пар согревал кожу. Она сделала маленький глоток. Горячая жидкость обожгла губы, но это была хорошая боль.

Они сидели молча. Только тикали часы на стене и шумел чайник, остывая.

- Как ты... как ты узнал? - наконец спросила она.

- Я услышал крик, - ответил он. - Сидел в подъезде, курил, услышал женский крик со двора. Подумал... подумал, что это ты.

Он посмотрел на нее. - Я побежал. Увидел их, как они тащат тебя в подъезд. Я... я не думал. Просто вломился.

- Ты их... ты их убил? - спросила она тихо.

- Нет, - покачал головой он. - Но, наверное, покалечил, особенно того первого. У него, кажется, сломан нос и ребра.

Она снова сделала глоток чая. Руки перестали дрожать. Тело постепенно согревалось.

- Спасибо, - сказала она, не поднимая глаз. - Ты спас меня.

- Я должен был быть рядом, - ответил он. - Я обещал... я обещал защищать тебя. А вместо этого...

Он не договорил. Сжал кулаки на столе. Костячки побелели.

- Макс, - сказала она мягко. - Ты здесь. Ты пришел. Этого достаточно.

Он поднял на нее глаза. В них стояли слезы. Мужские, тяжелые, которые не падают, а просто стоят, как вода в полных до краев стаканах.

- Я не могу... я не могу забыть, - выдохнул он. - Не могу забыть, как ты выглядела там, на полу. Как они тебя трогали. Как рвали одежду. Если бы я опоздал на минуту... на секунду...

Он закрыл лицо руками. Плечи задрожали.

Она встала, подошла к нему. Обняла его за голову, прижала к своей груди. Он обнял ее за талию, прижался лицом к ее животу.

- Все хорошо, - шептала она, глядя его по волосам. - Все хорошо. Ты пришел. Ты спас меня.

Он плакал. Тихо, беззвучно. Но она чувствовала, как его тело сотрясают рыдания. Как он дрожит не от страха, а от ярости. От бессилия. От любви, которую он пытался отвергнуть, но которая оказалась сильнее его.

Она держала его, пока он не успокоился. Пока его дыхание не выровнялось. Пока он не поднял голову и не посмотрел на нее.

- Аня, - сказал он хрипло. - Я был идиотом. Когда говорил тебе забыть. Когда говорил, что мы не должны были...

- Знаю, - прервала она. - Я тоже была идиоткой. Когда согласилась.

Он встал. Они стояли лицом к лицу. Так близко, что чувствовали дыхание друг друга. Так близко, что могли видеть каждую слезинку на ресницах, каждую царапину на коже.

- Я не могу обещать тебе ничего, - сказал он. - Ни денег, ни будущего, ни даже безопасности. Ты видела, что я могу дать только это. - Он показал на свой разбитый кулак, на синяк под глазом, который только начинал проявляться.

- Мне не нужно обещаний, - ответила она. - Мне нужно только, чтобы ты был рядом. Чтобы ты не говорил мне, что для меня лучше. Чтобы ты позволил мне самой решать, что я хочу.

Он смотрел на нее. Искал в ее глазах сомнение, страх, сожаление. Но нашел только уверенность. Твердую, как сталь. И нежную, как шелк.

- Я хочу тебя, - сказала она прямо. - Со всем твоим дерьмом. С твоим отцом. С твоей сестрой. С твоей работой грузчиком. Я хочу тебя таким, какой ты есть. Потому что ты единственный, кто видит меня такой, какая я есть.

Он не ответил, наклонился и поцеловал ее.

Она ответила ему. Обняла его за шею, прижалась к нему всем телом. Чувствовала, как его руки обнимают ее за спину, как он прижимает ее к себе, как будто боится, что она исчезнет.

Они целовались долго, пока не остыл чай. Пока не перестали тикать часы. Пока не рассвело за окном.

- Иди спать, - прошептал он. - Больше я никогда не откажусь от тебя.

Она проводила его до двери, на прощанье прижалась к его груди, слушала, как бьется сильно его сердце.

Вернулась в свою комнату и заснула. Впервые за неделю спокойно, без страшных кошмаров и мыслей в голове.

Он опять был рядом с ней, он сказал, что никогда ее не оставит.

И она любила его. Даже если это было ошибкой, даже если это вело в никуда, даже если завтра все снова развалится.

Новые раны

На следующее утро Аня проснулась во сне она вздрагивала от каждого шороха и видела те же лица и те же руки. Утро встретило ее тупой болью во всем теле, на запястьях синяки от пальцев того парня, ушибленный локоть, а разбитая губа горела при каждом движении.

Она медленно поднялась с кровати, подошла к зеркалу, и отражение было жалким, бледное лицо, темные круги под глазами, синяк на щеке уже приобрел сине-желтый оттенок. Она потрогала его пальцами и вздрогнула от боли.

Из кухни доносился запах кофе, значит мать уже встала. Аня вздохнула, надела халат поверх пижамы и вышла.

Мать сидела за столом, пила кофе и листала какую-то газету, а увидев дочь, подняла глаза и замерла. Взгляд ее скользнул по синяку на щеке, по порванной губе и остановился на запястьях, где виднелись красные отпечатки пальцев.

- Что это? - спросила она ровным голосом, но Аня уловила в нем не беспокойство, а скорее раздражение.

- Мам... - начала Аня, и голос ее дрогнул. - Вчера вечером... со мной... случилось...

Она не могла говорить дальше, потому что слезы подступили к горлу и сдавили его. Она опустила голову, пытаясь собраться с духом.

- Что случилось? - мать поставила чашку, сложила газету. - Говори.

- Я пошла в магазин... - выдохнула Аня. - И... меня... напали. Трое парней. В темном проходе.

Мать молчала, и лицо ее было каменным.

- Они... они тащили меня в подъезд... - продолжала Аня, и слова вырывались прерывисто, как будто кто-то душил ее. - Рвали одежду... били... Макс... Макс услышал, прибежал... он их... он их отогнал.

Она подняла глаза на мать, ища в ее взгляде хоть каплю сочувствия, хоть тень заботы, но увидела только холод, холод и осуждение.

- В котором часу это было? - спросила мать.

- В... в десять вечера, - прошептала Аня.

- И что ты делала в десять вечера одна на улице? - голос матери стал резким, колючим. - Я тебе сколько раз говорила, не шляться по ночам! Не ходи одна по темным переулкам! А ты что? Думала, ты у меня какая-то особенная? Что с тобой ничего не случится?

- Мам, но я... - попыталась возразить Аня, но мать перебила ее.

- Не мамкай! - она встала, подошла к дочери, и взгляд ее был жестким, неумолимым. - Сама виновата! Сама напросилась! Ходишь по ночам, одеваешься как шлюха, куришь, с парнями тусуешься, а потом удивляешься, что к тебе пристают!

- Как я одеваюсь? - вырвалось у Ани. - Я была в куртке и джинсах! Это разве...

- А что, по-твоему, они на тебя напали просто так? - мать говорила уже почти криком. - Наверное, сама их заманивала, глаза строила, а потом когда они поняли, что ты не такая уж и святая, начала орать! Ты думаешь, я не вижу, как ты с этим Максом крутишься? Как вы сидите, курите, целуетесь? Я все вижу! И знаю, чем это кончается! Кончается тем, что тебя принимают за шлюху и пытаются изнасиловать! Потому что ты себя как шлюха и ведешь!

Аня стояла, как парализованная. Слова матери били по ней, как удары кнута, оставляя на душе раны глубже, чем те, что были на теле. Она хотела крикнуть, что это неправда, что она не виновата, что она жертва, но слова застревали в горле, превращаясь в беззвучный шепот.

- И этот твой Макс... - мать фыркнула. - Наверное, сам же и подстроил все, чтобы потом героем выглядеть! Чтобы ты к нему еще больше прилипла! Я таких мальчиков знаю, сами же организуют нападение, а потом спасают! Чтобы девчонки им благодарны были!

- Он не такой! - выкрикнула наконец Аня, и слезы хлынули из ее глаз. - Он спас меня! Он избил их! Он...

- А может, они просто не поделили тебя? - холодно перебила мать. - Может, он тоже хотел тебя, но другие оказались быстрее? А он потом пришел, отбил свою собственность? Ты думала об этом?

Аня не ответила. Просто стояла и плакала, чувствуя, как мир вокруг рушится, как стены сжимаются, как воздух становится густым и тяжелым.

- Иди умойся, - махнула рукой мать, возвращаясь к своему кофе. - И больше не выходи вечером одна. А то в следующий раз не отделаешься синяком. Можешь и не вернуться.

Аня развернулась и побежала в свою комнату, захлопнула дверь, упала на кровать и зарылась лицом в подушку, чтобы заглушить рыдания. Но рыдания вырывались наружу, громкие надрывные, полные боли и отчаяния.

Она ждала поддержки, ждала, что мать обнимет ее, скажет, что все будет хорошо, что она защитит ее. Но вместо этого получила обвинения, унижения, оскорбления.

«Сама виновата... шлюха... сама напросилась...»

Эти слова крутились в голове, как нож, разрезая все, что было внутри. И самое страшное было то, что часть ее начала верить в это. Может, и правда она сама виновата? Может, и правда она вела себя неправильно? Может, если бы не курила, не выходила вечером, не дружила с Максом, ничего бы не случилось?

Но тут же другая часть протестовала: «Нет! Ты не виновата! Ты имеешь право ходить, где хочешь! Имеешь право на безопасность! Имеешь право на поддержку!»

Две части боролись внутри нее, разрывая душу на куски. И она не знала, какая из них права.

Тем временем Макс сидел у себя в комнате и думал. Думал о вчерашнем, о том, что видел, о том, что могло бы случиться. И чем больше думал, тем больше его грызли сомнения.

Он помнил, как нашел ее на полу в подъезде, с порванной одеждой, в слезах. Помнил, как она сказала, что они не успели. Но если она врала? Если она просто стыдилась признаться? Если она думала, что он отвернется от нее, если узнает правду?

Не то чтобы для него наличие целки имело принципиально важное значение, но мысль о том, что ее могли взять насильно, что ее тело могли осквернить чужие руки, вызывала в нем ярость и отвращение одновременно. Ярость к тем, кто это сделал, отвращение к ней? Нет, не к ней. К ситуации. К тому, что она теперь испорчена.

Он ненавидел себя за эти мысли, но не мог от них избавиться. Они крутились в голове, как навязчивая мелодия, становясь все громче с каждым часом.

Вечером он вышел и закурил пока ждал её. Хотел поговорить. Хотел поговорить и прямо все спросить.

Она вышла через полчаса. Выглядела уставшей, глаза были опухшими от слез. Увидев его, замедлила шаг.

- Привет, - сказала она тихо.

- Привет, - ответил он. - Как дела?

- Нормально, - она пожала плечами, села на ступеньку рядом с ним, но не слишком близко.

Он протянул ей сигарету, она взяла. Закурили молча. Дым вился в холодном воздухе, создавая призрачные узоры.

- Слушай, Аня... - начал он наконец, глядя куда-то мимо нее. - Про вчера... я все думаю...

- О чем? - спросила она, и в голосе ее прозвучала настороженность.

- Ну... - он замялся, искал слова. - Ты точно уверена, что они тебя не тронули? По-настоящему?

Она замерла, сигарета застыла у ее губ. Глаза стали большими, испуганными.

- Я же сказала, - прошептала она. - Ты успел.

- Да, но... - он повернулся к ней, и в его глазах читалась мучительная неуверенность. - Они же тебя раздевали, трогали может, они все-таки...

- Что «все-таки»? - голос ее дрогнул. - Что ты хочешь услышать, Макс? Что они меня изнасиловали? Это тебе нужно?

- Нет! - резко сказал он. - Просто я хочу знать правду. Чтобы понимать.

- Какую правду? - она встала, и в ее глазах загорелся огонь - смесь боли и гнева. - Какая правда тебе нужно? Что кто-то из них мне засадил?

- Я не это имел в виду! - он тоже встал. - Блять, Аня, я же видел, как они на тебе лежали! Как они тебя трогали! Как ты кричала! И ты хочешь сказать, что они остановились на полпути? Что они просто порвали тебе одежду и все? Это же нереально!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.